

В.А. Ковалёв

**«ГАЙЗЕРГЕЙТ» В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ:
НЕРАБОТАЮЩИЕ ИНСТИТУТЫ АВТОРИТАРНОГО
АДМИНИСТРИРОВАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК**

Ковалёв Виктор Антонович – доктор политических наук,
профессор Сыктывкарского государственного университета.

Во множестве книг, статей, комментариев относительно политики в постсоветской России, в том числе о ее региональных аспектах, их авторы высказали немало ценных идей и метких наблюдений по поводу установившегося в Российской Федерации и ее регионах политического режима. Но при этом часто, например, коррупция выносится за скобки и рассматривается как отдельная проблема или как-то стыдливо забывают про такую сторону существующего порядка, как криминализация власти. То есть многие авторы пытаются объяснить с помощью сложных схем и концептов те явления и процессы, которые обусловлены именно проникновением уголовников во власть на всех уровнях. Последнее сопровождается соответствующим целеполаганием российских властей на всех этапах: спорить о программах развития или идеологиях не вполне уместно там, где речь идет просто о «распилах и откатах».

Между тем криминальные кланы, безусловно представляющие огромную угрозу национальной безопасности, встроившись в систему российской власти, неотделимы от природы существующего режима. Если, к примеру, взять уровень субъекта Федерации, то фактическая невозможность поменять губернатора на свободных альтернативных выборах прямо обуславливает чувство безнаказанности региональных «элит» при грабеже подконтрольных им ресурсов. В свою очередь, замешанные в антиправовых деяниях руководители и их обслуга-окружение в виде «депутатов», «общественников», «журналистов», криминальных авторитетов и даже клерков на «теплых» местах просто не хотят, да и не могут допустить проведения очередных выборов на демократической основе, дабы потом ненароком не попасть под статью УК.

Таким образом, криминализация власти и ее авторитарный облик в нынешней России, как, впрочем, и везде, являются сторонами одной медали и могут быть трансформированы только в комплексе, с учетом этой «двусторонности».

Сейчас в РФ смена региональной власти возможна лишь при вмешательстве Центра или / и при «посредничестве» прокуратуры или Следственного комитета. Судя по всему, такое вмешательство не помешало бы во многих случаях, но пока оно является скорее исключением. Наиболее известными скандалами такого рода в 2015 г. стал арест сахалинского губернатора Александра Хорошавина в марте и особенно – задержание в сентябре прошлого года сразу почти двух десятков руководителей Республики Коми (в том числе губернатора, его первого зама, бывшего сенатора, спикера Госсовета и т.д.) наряду с криминальными авторитетами. Последовавшие после этого уголовные дела, возбужденные против мэров Сыктывкара и Инты и некоторых депутатов законодательного органа республики также произвели некоторый шум в средствах массовой информации.

Подробнее рассмотрим криминально-региональный «кейс» Коми¹.

В субботу 19 сентября минувшего 2015 г. удивленные россияне узнали из СМИ об аресте главы Республики Коми Вячеслава Гайзера и его группировки, которым со стороны СК были предъявлены весьма серьезные обвинения. По сообщению информационных агентств, в этот день главу Коми Вячеслава Гайзера, предполагаемого главаря преступного сообщества, задержали в Москве. Он готовился вылететь за рубеж. Следователи провели обыски дома и в рабочем кабинете Вячеслава Гайзера. На кадрах оперативной съемки было видно, что Гайзер при этом присутствовал лично. При обыске обнаружили крупную сумму денег и коллекцию дорогих часов. На видео видна коллекция часов губернатора из более чем десятка наименований. Стоимость одного из экземпляров составляет около 1 млн долл., утверждает ТАСС. В рамках уголовного дела следователями Следственного комитета России совместно с оперативными сотрудниками ФСБ России проведено более 80 обысков в Коми, Санкт-Петербурге и Москве. В результате проведенных следственных действий в местах жительства и работы фигурантов уголовного

*1. Оперативный анализ этих событий был предпринят нами в серии комментариев. См.: В.А. Ковалёв. Арест Гайзера: Публичная порка и сплошное недоумение. – <http://rusrand.ru/actuals/arrest-gayzera-publichnaya-porka-i-splushnoe-nedoumenie>
«Гайзергейт» в Коми и российское политическое продолжение. – <http://rusrand.ru/analytcs/gayzergeyt-v-komi-i-rossijskoe-politicheskoe-prodoljenie>*

Региональные криминальные кланы – угроза национальной безопасности страны. – <http://rusrand.ru/analytcs/regionalnye-kriminalnye-klany--ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti--strany>

дела было изъято много разных «ценностей». Среди них – более 60 кг ювелирных изделий, 150 часов стоимостью от 30 тыс. долл. до 1 млн, более 50 печатей и штампов юридических лиц, задействованных в реализации офшорных схем, финансовые документы по легализации похищенных активов на общую сумму более 1 млрд руб.

Среди документов, найденных при обыске: проект приобретения самолетов Bombardier Learjet и Hawker 800XP и документы на офшорные компании на Кипре (Greetonbay Trading Ltd) и Сейшелах (Afina Management Ltd). В Петербурге задержали спикера республиканского парламента Игоря Ковзеля. Кроме того, задержаны заместитель главы Коми Константин Ромаданов, член Совета Федерации и бывший депутат Госдумы РФ от Коми Евгений Самойлов, а также Павел Морушак, отвечавший в правительстве Коми за работу информационного отдела (и ограничивавшего в пользу семейного и связанного с ним медиабизнеса работу региональных изданий – «идеология» была не при чем!). По делу были задержаны 19 человек, в том числе: заместитель Гайзера Алексей Чернов, предприниматель Валерий Веселов, руководитель Фонда поддержки инвестиционных проектов Коми Игорь Кудинов, местные предприниматели Фаерштейн, Либензон, директор ООО «Советник» Моторина.

В Следственном комитете РФ заявляли, что Гайзер, Чернов, Веселов, а также Александр Зарубин (успевший сбежать за границу) входили в преступное сообщество, которое, предположительно, возглавлял губернатор. По словам официального представителя ведомства Владимира Маркина, управлением по расследованию особо важных дел СК 18 сентября возбуждено уголовное дело в отношении 19 руководителей и участников преступного сообщества, совершивших в период с 2006 по 2015 г. преступления, предусмотренные статьями 210 (преступное сообщество) и 159 (мошенничество) УК РФ. «Целью деятельности... сообщества было совершение тяжких преступлений, направленных на завладение преступным путем государственным имуществом»².

Уголовные дела подобного рода плохо вяжутся со сложившимися в последнее десятилетие в России порядками, когда региональные административные режимы, сохраняя полную политическую лояльность Центру, пользовались значительным иммунитетом относительно своих местных «шалостей». Они выстраивают в регионах уже собственные «вертикали», далеко не свободные от криминальной составляющей. В политическом плане мы неоднократно уже анализировали эти процессы [3], но указание на негативные последствия сложившихся порядков в РФ мало кого интересовало.

2. <http://www.newsru.com/russia/19sep2015/gaizer2.html>

Для аналитиков арест Гайзера, Чернова и Ко тоже был определенной сенсацией. Посмотрим на биографию криминального губернатора Коми.

В.М. Гайзер родился в 1966 г. в Инте. С 1996 г. он занимал должности заместителя председателя, председателя правления коммерческого банка «Коми социальный банк». (Банк В. Зарубина – организатора преступных схем и финансиста избирательной кампании предыдущего Коми губернатора В. Торлопова. Когда начались аресты по делу «гайзергейта», Зарубину удалось скрыться за границей.) В 1999 г. Гайзер окончил Московский государственный университет экономики, статистики и информатики по специальности «Финансы и кредит».

В 2002 г. Вячеслав Гайзер стал первым заместителем министра финансов Республики Коми. 22 июля следующего года Указом главы Республики Коми он был назначен министром финансов Коми, а 27 мая 2004 г. – заместителем главы Республики Коми. С февраля 2009 г. входил в список лиц, включенных в «первую сотню» резерва управленческих кадров, находящихся под патронажем президента Российской Федерации. 20 мая того же года распоряжением главы Республики Коми он был назначен на должность первого заместителя главы республики.

В январе 2010 г. президент России Дмитрий Медведев внес на рассмотрение Государственного совета Республики Коми его кандидатуру для наделения его полномочиями главы Республики Коми. 15 января депутаты Государственного совета Коми утвердили его кандидатуру. В 2014 г. был переизбран на свой пост голосами почти 4/5 участвующих в выборах жителей РК.

В сентябре 2015 г. арестован.

Итак, глава Республики Коми управлял богатым ресурсным регионом с 2010 г. До ареста он был членом Высшего совета партии «Единая Россия». (Потом был срочно из него исключен – как и при КПСС судить члена партии власти нельзя, его надо сначала от этой партии отлучить – sic!) Гайзер был практически идеальным губернатором в системе власти путинско-медведевской РФ. Он обеспечивал высокий процент голосования за так называемую «Единую Россию», поддерживал все инициативы Кремля, вел блог, бегал с олимпийским факелом, зачистил (при помощи Чернова и Марущака) оппозицию и независимые СМИ в республике и даже в социально-экономическом отношении показатели региона не выглядели провальными – *так за что наказываешь, Начальник!?*

С другой стороны, о преступной деятельности руководства Коми информации в Сети было вдоволь. При этом весьма сомнительно заявление СК о том, что деятельность преступной группировки (условно «гайзеровской») продолжалась с 2006 г. Те, кто «в теме», хорошо помнят, как еще в середине прошлого десятилетия Рунет (сайты с компроматом) были забиты матери-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

лами разнообразных журналистских расследований. Регион Коми в этом потоке «грязи» был не главным лидером, но занимал весьма заметное место. Очень много писали, к примеру, о финансовых махинациях. Навскидку, вспоминаются сюжеты о странном маневре с перепродажей воркутинских шахт, махинациях с закупкой томографов, «подвигах» правительства «вахтовиков» (питерских бизнес-менеджеров Н. Левицкого, А. Кабина и П. Орды, приглашенных в республику главой Торлоповым), при которых и начался карьерный взлет арестованного губернатора, при них он становится министром финансов, а его недавний заместитель, приехавший из Санкт-Петербурга Алексей Чернов, – помощником губернатора Владимира Торлопова. Неоднократно публиковались материалы о головокружительных кадровых назначениях, счетах, недвижимости, разнообразных махинациях и т.д. И в «лихие девяностые», и в «нулевые» политико-криминальная жизнь в РК, как и по всей стране, была ключом. Политические подробности описаны в моих книгах [4; 5].

Да, судя по всему, преступники действовали не один год и объявленные сроки (с 2006 г.) вызывают сомнения. Например, еще в 2013 г. в «Красном знамени» (от газеты сейчас остался только сайт!) публиковалась серия статей Сергея Сорокина: «“Зарубинкорпорейтед”: 12 лет в Республике Коми» [9]. Возможно «зарубинцы» в Коми просто *слишком* заворовались, что заставило следственные органы «оперативно» отреагировать – и каких-то полутора десятков лет не прошло.

Последовательность событий довольно показательна. Сначала, в единый день голосования, 13 сентября, на «выборах» в Госсовет РК убедительное преимущество набрали региональные единороссы, получив около 60% голосов, в итоге контролируя 26 из 30 мандатов регионального «парламента». Таким образом, в РК «список Гайзера–Ковзеля» (республиканского губернатора и спикера с брендом ЕР) получил подавляющий перевес.

А 19 сентября В. Гайзер, И. Ковзель и еще некоторые персонажи из их «списка» были арестованы по обвинению в совершении тяжких преступлений; было объявлено, что деятельность созданной вокруг губернатора преступной группы отличалась особой изощренностью и сплоченностью. Аресты на этом не закончились. Третья серия – «посадка очередного столичного мэра» – ждала публику в следующую пятницу 25 сентября, когда был задержан глава администрации МОГО Сыктывкар Иван Поздеев, как раз в то время, когда проходил суд над предыдущим градоначальником Романом Зенищевым, которого обвиняли в аналогичных преступлениях. Был арестован мэр Инты и еще один депутат ГС. (Уголовные дела против глав администраций в Коми не являются новостью – в предыдущие годы они были возбуждены против нескольких руководителей районов РК, но республиканский уровень до 2015 г. не трогали.) Уже в конце 2015 г. было возбуждено уголов-

ное дело (правда, по обвинению в превышении должностных полномочий) против бывшего спикера Госсовета РК Марины Истиховской, которая, покинув пост спикера посреди срока, была продвинута на пост ректора Сыктывкарского университета и избиралась региональным депутатом в сентябре 2015 г. по «списку Гайзера». Уголовные дела продолжают расследоваться...

Между тем в республике многие недоумевают – почему взялись именно за Коми, ведь аналогичные процессы, возможно, протекают и в других регионах. Если в довольно многочисленных арестах региональной верхушки был скрыт некий путинский мессидж, то непонятно, в чем он состоит и что за этим последует. К примеру, в ряде обсуждений по горячим следам сенсации некоторые бизнес-эксперты настойчиво продвигали «нефтяную» версию, согласно которой в Коми, как и на Сахалине, речь шла о доступе «Роснефти» к «трубе». Оправдается ли эта гипотеза? Пока предполагать можно все, что угодно, в том числе и самое удивительное. Например, что в РК и впрямь после более чем десятилетней «слепоты» началась, и по-настоящему, борьба с коррупцией на губернаторском уровне. А может быть, вдруг нашелся какой-нибудь честный прокурор или настойчивый следователь?!

А в чем еще может состоять посыл «дела Гайзера» – прежде всего, в политическом отношении? Во-первых, безусловно, он направлен губернаторам, если брать шире – региональным властям, чтобы не так лихо воровали. Во-вторых, это может означать подготовку возможности ребрендинга самой партии власти. Не секрет, что «Единая Россия» в сознании довольно значительной части населения устойчиво ассоциируется со словосочетанием «партия жуликов и воров», а теперь еще – «бандитов и коррупционеров». Мем «жулики и воры», удачно запущенный оппозицией, намертво пристал к «ЕР» (в ее нынешней версии «партии власти»). Пока у «Единой России» никаких реальных конкурентов на политическом поле нет, оно полностью зачищено. Но надолго ли сохранится такое положение?

Касается это и нынешнего состава губернаторского корпуса. Как указывают авторы недавно вышедшей коллективной монографии: «Объективно роль руководителей регионов в российской политике должна возрасти, но такое изменение будет сопряжено с радикальным обновлением губернаторского корпуса, каким бы путем и по какой причине оно бы ни осуществлялось» [1, с. 285]. Просто ребрендинг партии власти будет иметь не очень продолжительный эффект, если общий, глобальный и российский кризисы будут усугубляться. Потребуются уже более принципиальные решения. Кем они будут проведены и куда будут направлены: в сторону дальнейшего и жестокого «закручивания гаек» или все же появится возможность для реальной демократизации и обретения устойчивой общественной поддержки?

Придерживаясь варианта убывающего ресурсного «пирога», хотелось бы обратить внимание на то, что речь идет не только о дележке среди «верхов»,

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

но и положении «низов». Сейчас никаких перспектив у России, кроме массового обеднения в условиях кризиса и нарастания всяческих сопутствующих проблем, не просматривается. В этих условиях Центр уже просто не может больше закрывать глаза на миллиардные хищения на региональном уровне и тогда «дело Гайзера» в этом ряду, возможно, не последнее. Этим можно объяснить и расчет на реакцию населения. По мере обнищания люди, естественно, будут менее благодущны, нежели в «тучные» годы, и для их успокоения нужно периодически кого-то «бросать на копыта». Проворовавшие губернаторы для этого – объект идеальный. К тому же распространение в обществе неосталинистских настроений и ностальгии по «эффективному менеджеру» может подтолкнуть к применению схожих методов удержания «в узде» постсоветской номенклатуры через репрессии, пусть и в карикатурном виде.

Но не чревата ли такая «ротация кадров» опасными издержками? Да, лес рубят – щепки летят. Пока это предположения, однако в таких перспективах может усматриваться и опасность. Если «лес рубят – щепки летят», то сколько может быть таких «щепок»?!

И следствие, и суд в современной России отягощены многочисленными проблемами, а также в значительной степени депрофессионализировались. Недавний казус с делом «Оборонсервиса» это показал. А в Коми, кстати, есть тоже очень страшный и показательный пример: желающие могут легко найти материалы про транувшуюся несколько лет трагически-скандальную историю с поджогом «Пассажа» в Ухте, когда в огне погибли невинные люди [7]. Правоохранительные органы очень долго расследовали это страшное преступление, а в судах выдвигались всё новые и новые проблемы [6]. История и до сих пор выглядит довольно «тёмной»...

А в сентябре 2015 г. после ареста руководства РК «на хозяйстве» единственным не задержанным остался только председатель правительства республики (этот пост в регионе был недавно введен, до того его обязанности фактически были в руках главы республики). Но примечательно, что в РК не нашлось ни политических возможностей, ни кадровых ресурсов для преодоления неожиданного кризиса власти и руководитель республики был прислан со стороны. 30 сентября президентом страны был назначен врио губернатора, им стал Сергей Гапликов, бывший руководитель «Олимпстроя», чиновник, успевший поработать в правительстве РФ, Москве и Чувашии.

В политическом плане эффект от ареста губернатора, его заместителя и спикера Госсовета Коми, разумеется, был, но лишь временный. Депутаты из списка «Гайзера–Ковзеля» остались на своих местах и отделались легким испугом. При этом, находясь при власти и во власти, они, разумеется, не могли не знать или не догадываться о масштабных хищениях и прочих фокусах руководства РК. Но ожидать от них какой-то «принципиальности» было бы наивно. Прозвучало даже предложение самораспуститься и провести новые

выборы, но оно, разумеется, было депутатами отвергнуто. После сессии, за работой которой наблюдали единороссы из Совета Федерации и Госдумы, все надеются, что всё будет продолжаться по-прежнему. Если, конечно, позволят правоохранительные органы.

Ситуацию в РК можно рассматривать и как некий эксперимент, поставленный в связи с неожиданным кадровым кризисом и «изъятием» власти. Драматичный опыт Коми показывает, что в кризисной ситуации регион может остаться беспомощным и в политическом, и в информационном отношениях. (Интересно было бы спроецировать такую ситуацию на федеральный уровень: поможет ли «в случае чего» какой-нибудь «вашингтонский обком»? А ведь проблема может встать во весь рост – положение в РФ в целом аналогично тому, что делается в субъектах Федерации.)

В связи с «комическими событиями» (в Коми это в какой-то мере трагифарс) говорят о существенном ослаблении позиций губернаторского корпуса. Это – не так. Региональные политики потеряли влияние гораздо раньше, когда почти единогласно согласились на отказ от прямых губернаторских выборов, т.е. от поддержки и контроля со стороны населения своих территорий. Сейчас «элиты» в субъектах РФ зависят практически целиком от решений Кремля и после показательных арестов чувствуют себя, мягко говоря, не очень комфортно.

На наш взгляд, это чревато самыми серьезными последствиями для безопасности страны. В ситуации с РК видна (пока на уровне региона) полнейшая политическая беспомощность местных социумов в преодолении возможных кризисов. (Пока кадровых, но что будет в случае разрастания экономических неурядиц?) Региональная политика была выхолощена в середине «нулевых» после отмены губернаторских выборов и профанации всего электорального процесса. Население фактически ничего не может сделать, чтобы изменить губительный курс своего руководства. Многие аналитики, в том числе и автор этих строк, предупреждали о негативных эффектах отмены выборов глав регионов [11].

По-моему, произошедший в «нулевые» годы отказ от реального, хотя и очень болезненного выстраивания политических институтов, в том числе на уровне регионов, привел к существенному сокращению экономических, политических и иных возможностей губернаторского корпуса для реагирования на ситуацию в условиях вероятного обострения кризиса или гипотетического ослабления центральной власти. Те, кто контролирует сейчас российскую политическую систему, просто не могут (в силу императива собственного сохранения, комфорта власти и доступа к сверхдоходам) пойти на усложнение системы. Без структурной же дифференциации возможности системной адаптации будут только понижаться.

Превращая политические институты, партии, парламенты в «симулякры», имитируя политику, «видимостью» становится и значительная часть

нашей жизни. На всё это, в том числе и на выборы, тратятся немалые ресурсы. А что взамен? Отобранные на коррупционно-непотистской основе политические функционеры образуют «царство количества». Они бесполезны в условиях кризиса и взаимозаменяемы, как шурупы. Им нужна твердая рука, чтобы их «закручивать». А если такая рука ослабеет? К чему вообще напрасные усилия? Честнее было бы даже отказаться от депутатских, партийных и прочих имитационно-симуляционных образований. В свое время великий француз Ш.Л. Монтескье предложил теорию разделения властей, которая стала хрестоматийной и общеизвестной. Исполнительная, законодательная и судебная власти взаимно ограничивают, балансируют и контролируют друг друга. Об этом можно говорить очень много, но фактом является то, что в РФ и ее регионах решили поставить смелый эксперимент и отменить написанное в «Духе законов». Разделение властей было придумано и внедрено во многом именно для обеспечения безопасности общества от власти. В РФ же был поставлен традиционный для авторитарных режимов эксперимент, когда такое средство социальной безопасности было намеренно отключено. Вместо классических (с известными упрощениями) «трех ветвей власти» на практике реализовывалась иная триада, которая хорошо видна на примере Коми, после скандального задержания руководства республики. Во-первых, во власти годами действует хорошо организованная и структурированная преступная группа, во-вторых, «на местности» ее поддерживают «братки», и опирается она на «авторитетных» предпринимателей. В-третьих, и эта часть самая интересная: банда Гайзера (или ее аналоги) не могла бы действовать столь долго и столь успешно, если бы у преступников отсутствовало мощное ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРИКРЫТИЕ. Значительное количество «активистов», «депутатов», «журналистов», «чиновников», «общественников», а также работников администрации, мэрий, министерств, избирательных комиссий и т.д. эффективно обеспечивали удобные и комфортные условия для преступной деятельности группировки Гайзера. Некоторых арестовали, но другие «политики» и «общественники», не виновные формально, как ни в чем не бывало, продолжают свою работу. Один новоизбранный депутат из ГС РК Брагин, правда, предложил Госсовету самораспуститься, и провести новые выборы. Но, скорее, это предложение было сделано не всерьез, а из популистских соображений. Вскоре, кстати, и самого этого депутата от ЛДПР посадили, предъявив обвинение по нескольким статьям.

На примере Коми видно, как криминальные структуры проникали во все важные сферы и действовали безнаказанно на протяжении многих лет. И проблема эта носит не только правовой, но и политический характер. Региональный пример показывает, что у преступников политический ресурс был (и немалый!), а для противодействия криминальной деятельности политических возможностей в регионе (не только в РК, конечно) не было. Так

называемое гражданское общество низведено до уровня редких локальных инициатив или его структуры имитируются и создаются властью, независимые СМИ истреблены как вид и почти нечего даже заносить в «Красную книгу». Оппозиция здесь столь бессильна, что не могла и не может воспользоваться таким казусом в правящей партии, т.е. «оппозиции» никакой на самом деле нет, и она тоже имитируется. Кто и что может противостоять угрозе со стороны криминальных кланов, если она актуализируется и перейдет, так сказать, в активную фазу.

А такого варианта исключить нельзя. Давайте посмотрим еще раз на сложившуюся ситуацию. Для поддержания хоть какой-то эффективности режиму требуются точечные репрессии, иначе «вертикаль» совсем перестанет функционировать. Воздействие на органы власти со стороны населения минимальны, правоохранные органы на местах власть трогать тоже боятся. Остаются какие-то особые меры. Недаром в связи с делом Гайзера стали активно говорить о какой-то «Особой группе» (ОГ), созданной в рамках Следственного комитета. Допустим, что такое подразделение действительно есть, и вслед за Гайзером–Ковзелем–Черновым готовятся аресты вора из других регионов. Некоторые сведения о задержании каких-то чиновников в Сибири, на Урале и в Поволжье как будто работают на эту версию. Но многое ли может любая ОГ, даже наделенная особыми полномочиями. Она может арестовать нескольких преступников и даже групп по доказанным эпизодам, но ведь круг соучастников этих преступлений гораздо шире. И эти соучастники – все на своих местах, они обладают немалыми ресурсами и будут противодействовать и следствию, и правосудию, и курсу на реальную борьбу с коррупцией. Можно напомнить о «верных друзьях» и «боевых подругах»: с точки зрения проведения «реформ», «модернизации» или «заботе об избирателях и населении» их деятельность бесполезна или контрпродуктивна, но ради своей выгоды они готовы на многое (такая вот порода выведена в РФ в результате «непродуманных реформ»). С точки зрения этого «количества» – довольно немало и организованного – Москва, начиная решительную борьбу с коррупцией теперь и на губернаторском уровне, нарушает как бы негласное соглашение (во всяком случае, так многие его понимают в руководстве субъектов РФ) – «лояльность в обмен на безнаказанность», «голоса ЕдРоссам» в обмен на возможность обращать себе на пользу лакомые кусочки собственности. Фактически ведь произошло нечто подобное³.

3. Повторим, что арестованные 19 сентября, вероятно, были удивлены, что их посмели тронуть, ведь план по голосам они исправно выполняли, оппозицию зачистили, во время памятного декабря 2011 г. митинг протестующих был жестко разогнан, а вопрос о возможных фальсификациях губернатор обсуждать отказался.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

А что теперь – на кого опереться «особым группам», где искать общественную поддержку, если их противники хорошо организованы и будут противодействовать не только следствию, но и возможному проведению курса на борьбу с коррупцией как таковому. После первых сенсаций с Сахалином, Коми и арестами ряда чиновников в других регионах, тем более, если история получит продолжение, не начнется ли организованное сопротивление проведению курса на борьбу с коррупцией? И *кто* будет помогать вмешиваться в такую политику, если учесть, где держат деньги и прочее наши клептократы. Куда они переправляют средства, наворованные непосильным трудом, и куда при случае собираются сбежать. Эти кадры – идеальный объект для манипулирования со стороны недружественных России государств. Само по себе такое положение очень опасно, а что будет, если потревоженные региональные политико-криминальные кланы решат перейти к организованному сопротивлению, спасая себя и свой «бизнес»? Стоит об этом задуматься. А если нет никакого «курса» и «особой группы», то вообще непонятно, зачем было огород городить – у политико-криминального «чуды-юды» взамен одной отрубленной головы будут расти несколько новых.

Поскольку криминальные группировки на разных уровнях власти имели и имеют соответствующее политическое прикрытие, то борьба с ними тоже должна опираться на мощный политический ресурс. Речь не идет о какой-то «романтике», например о народных дружинах в поддержку российской законности, хотя в условиях надвигающейся Смуты и народное Ополчение может оказаться не лишним (вспомним про роль ополчения Минина и Пожарского в одной из отечественных Смут!) Но нужно восстановить политические институты и заставить их работать, т.е. партии должны быть партиями, выборы – выборами, депутаты – депутатами и т.д.

И половинчатость здесь может быть только во вред. Чем обернется нынешняя борьба с коррупцией на региональном уровне можно только гадать. Начать и не закончить – это хуже, чем вообще не начинать.

В ходе этого громкого, но довольно скоротечного скандала с арестом руководства северной республики, шум вокруг которого стал уже затихать, выяснилось, что в регионе отсутствует какая-либо самостоятельная политика, автономные и независимые субъекты, акторы или хотя бы источники информационно-аналитического обеспечения политики, а также независимые СМИ. Все было «зачищено» и почти «стерильно». Наряду с этим мы видим, что на протяжении долгих лет, пока группировка бывшего губернатора совершала преступления, НИКТО из «политиков» в регионе даже не заикался об этом; все «ничего не знали», хотя, учитывая масштабы преступной деятельности, поверить в такую наивность попросту невозможно.

На примере кризиса власти в РК видно, что никакой «политики» на региональном уровне в общем-то нет. В публичном пространстве она имити-

руется, официальные власти республики были заняты «отжиманием» собственности в свою пользу, депутаты только послушно раскрывают рот и нажимают кнопки, а то, что их избирателей десятилетиями обворовывают, – никому дела не было. На принятие самостоятельных решений никакие местные «политики» не способны.

И это тоже очень опасно, так как противоречие по линии Центр – регионы на несколько лет было снято не политическими, а административными методами. Сейчас эти противоречия оживают вновь, а политические институты во многом оказались разрушенными. Политическую модернизацию нельзя провести только силами Следственного комитета. В свое время в Концепции национальной безопасности России было записано: *борьба с организованной преступностью и коррупцией имеет не только правовой, но и политический характер*⁴ (выделено нами. – В. К). Схожие мотивы звучат и в таком важном документе, как Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Однако в документах можно записать всё, что угодно, но как обстоит дело на практике?

Пока мы видим, что институт выборов в РФ практически разрушен, несмотря на регулярно проходящие голосования. У россиян, по-видимому, нашла бы понимание отмена такого рода «электоральных кампаний», особенно в условиях кризиса. Если уж говорить о настоящих выборах, то их стоило воссоздавать заново, например, с воссозданием реальной конкуренции на муниципальном уровне, где население прямо выбирает глав городов и районов и имело бы возможность с них спросить. Сторонниками российской демократизации об этом говорилось бесчисленное количество раз, но размышления по поводу «гайзергейта» позволяют обнаружить некоторые новые повороты в этой, казалось бы, уже безнадежно избитой теме.

Как интерпретировать в терминах социальной и политической науки произошедшие в Коми события? Нам представляется, что мы имеем дело здесь с проявлениями так называемого *неопатримониализма*. Этот феномен уже неплохо проанализирован в научной литературе. Среди российских исследователей о нем справедливо писал П.В. Панов в связи с проблемой институционального порядка: «Неопатримониализм базируется не на воспроизводстве традиционных “обменных” практик, которые не ставятся под сомнение, а скорее на инструментальном (порой откровенно циничном) обмене ресурсами между элитными акторами, которые контролируют примордиалистские или (и) клиентелистские фрагменты». И далее: «В рационализированном неопатримониализме политические лидеры обязаны приобрести

4. Цит. no: http://nvo.ng.ru/concepts/2000-01-14/6_concept.html

легитимность “снизу” (как правило, через процедуру выборов), однако выборы как таковые создают значительные риски для сложившейся клиентелистской дистрибуции ресурсов. В этих условиях, пожалуй, единственный выход – действуя в рамках процедуры выборов, свести их непредсказуемость к минимуму, т.е. обеспечить передачу власти “своему человеку” – “преемнику” – лицу, которое сможет гарантировать дистрибутивные интересы правящей группы» [8, с. 205–206].

Собственно, речь здесь идет о том, на что мы указывали в начале статьи, т.е. о неразрывной связи, амальгаме политики и уголовного, но дело не просто в преступных намерениях и действиях отдельных лиц и организованных групп, а о структурах, порождающих такое поведение. Скорее ему подходит также популярное слово «мафия», в смысле системы отношений, транслируемых из прежних, доиндустриальных эпох в современное общество, что наглядно свидетельствует о недостаточной (неудачной, неоконченной) *модернизации* экономических, культурных и социально-политических отношений в нашей стране.

В ставших уже классическими западных разработках модернизация не сводится только к совершенствованию техники, но включает в себя совершенствование всех сторон жизни, в том числе и политики. В свою очередь политическое развитие понимается как демократизация. В качестве предпосылок и условий модернизации называются урбанизация, повышение уровня образования, распространение универсальных и рациональных ценностей и т.д. Но помимо этого Карл Дойч связывал модернизацию с тем, что он называл «мобилизацией». «Социальная мобилизация – это то, что происходит с большим количеством людей в ареалах, переживающих модернизацию, т.е. там, где вводятся и в значительных масштабах принимаются развитые, нетрадиционные практики в сферах культуры, технологии и экономической жизни. Следовательно, она не тождественна процессу модернизации в целом, но охватывает один из его основных аспектов, или, лучше сказать, повторяющийся кластер его последствий» [2, с. 116].

Препятствия для такой модернизации нередко носят субъективный, политический характер, корни которого в экономической заинтересованности господствующих групп в сохранении нынешнего положения, а его можно назвать «неозастоем». Властвующая элита современной РФ всеми силами стремится не допустить массовой мобилизации населения, особенно его наиболее «креативных» слоев, с целью не допустить изменения статус-кво. Верно и обратное: сами по себе предпосылки модернизации не реализуются без активности социальных и политических акторов, без массового изменения отношений в разнообразных кластерах – от политики до культуры.

Мы говорим здесь о региональных аспектах российской политики, но сейчас надо понимать, что сами по себе они не могут проявиться без измене-

ния ситуации на общероссийском уровне. Может с недоумением восприниматься тезис, что сейчас политические институты в РФ менее стабильны, чем в «лихие девяностые», но это так. С начала «нулевых» годов региональные политики не способны на активные самостоятельные действия, по крайней мере в существующем правовом поле. Поэтому, когда мы видим, как на улице провинциального города толпа полицейских охраняет одиночного пикетчика, а попытка устроить митинг воспринимается наподобие землетрясения, то, разумеется, это отражение нынешней московской ситуации. То есть на федеральном уровне политические институты упростились до того, что не могут длительное время выдерживать ситуации политической конкуренции и т.п. (Такое уже было в нашей стране в период тоталитарной диктатуры и *застоя*, который при попытке реформ обернулся «геополитической катастрофой».) Естественным следствием подобного положения сейчас является стремление властей атомизировать общество, снизить уровень его мобилизации. Это не только и не столько политика «суверенной демократии», «борьбы с экстремизмом» и переключение внимание россиян с нечестных выборов и проделок «жуликов и воров» на «геополитику» и «происки американского империализма», словом, «Сирию». Такая политика имеет естественное экономическое основание, когда самостоятельный бизнес вести очень трудно, а получать большую прибыль возможно лишь в связи с государственно-коррупционной «вертикалью». Не может в таких условиях формироваться и устойчивый и независимый средний класс.

Но своя логика в проводимом курсе присутствует. Состояние социальных институтов надо привести к проводимому политическому курсу. А институциональная деградация уже, в свою очередь, заставляет предотвращать малейшие проявления недовольства и реального массового объединения, и делать это все более жестко. С. Хантингтон еще более полувека назад предупреждал: «Если мыслить политическое развитие как заключающее в себе мобилизацию людей в политику, то нужно также принять во внимание возможность того, что может произойти откат развития вспять (...) и люди будут из политики демобилизованы. Может произойти структурная дифференциация, но возможна и структурная гомогенизация. Национальный распад – не менее возможный феномен, чем национальная интеграция» [10, с. 152]. Последствия отмены избрания губернаторов, так фактически и не восстановленного, выхолащивание института выборов как такового вообще сказываются очень быстро. Таким образом, укрепляется существующий политический порядок и достигается чаемая многими стабильность. Но остается вопрос о перспективах этой ситуации, в которой перемешиваются институциональная деградация и культурное одичание. Что это будет за «политическая культура»?

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Уместно заметить, что можно трактовать перипетии российской федеральной и региональной политики последних десятилетий в других терминах и с другой оценкой. Хочется лишь обратить внимание, что если начинают говорить о модернизационной парадигме, то уместно помнить, что в ней «сложность рождает стабильность». И – наоборот. Критиковать старую теорию легко и некоторым авторам (особенно демонстрирующим приверженность ценностям «традиционного общества»), несомненно, приятно. Но если стать на точку зрения сторонников теории модернизации, то нельзя не видеть опасности для таких ценностей, как Порядок и Стабильность на всех уровнях. Помимо криминализации власти и общества, ситуация сводится к тому, что в упрощившейся системе политически они сосредоточены в фигуре национального лидера, в экономической сфере – в ценах на углеводороды, а в культурной – в интенсивности телепропаганды.

Следствия такого положения также понятны. Ослабевшие институты не выдержат реальных противоречий, если они вырвутся наружу; следовательно, этот момент надо оттягивать всеми доступными способами. Но и сторонники демократии должны ясно отдавать себе отчет в том, что в таких условиях демократизация приведет не к немедленному торжеству либеральных свобод и демократических принципов, а к новому варианту «катастрофки» – интенсивной, длительной, с непредсказуемыми последствиями. Так что, как говорится, «и хочется, и колется».

Актуальным сегодня является вопрос о том, а можно ли «спустить ситуацию» на тормозах, подготовиться к возможному кризису и т.д. В политической плоскости стремление «подстелить соломки» кажется нереальным. В связи с этим уместно посмотреть на предпринимаемые в последнее время меры. Так, «возвращение» губернаторских выборов не означает возврата к политической конкуренции и, следовательно, поиску вариантов ответа на проблемы того или иного субъекта Федерации. Аналогичным образом «возвращение» к выборам по одномандатным округам на выборах в Думу, казалось бы, дает возможность населению регионов выбрать своего депутата для продвижения региональных интересов. Но при существующей практике, это, скорее всего, будет решаться не населением, а опять-таки администрациями или, в лучшем случае, позволит разыграть предвыборный спектакль со скандалами, с политтехнологами и т.д., но без реальных политических возможностей. Последние реально и существенно сокращаются на муниципальном уровне, а ведь выборы мэров были одними из немногих островков плюрализма в последнее время. Но сейчас, скорее всего, не будет и их.

Отказ от реального, хотя и очень болезненного выстраивания политических институтов, в том числе на уровне регионов, привел к существенному сокращению экономических, политических и иных возможностей губернаторского корпуса (а также его отбора) для реагирования на ситуацию

в условиях вероятного обострения кризиса или гипотетического ослабления центральной власти. В связи с этим не кажется невероятным и сценарий распада страны, кошмар которого вроде бы отступил после преодоления наиболее вопиющих явлений, характерных для отношений Центр – регионы в «лихие девяностые». Не будем опять ничего выдумывать, а воспользуемся темами, которые стали весьма популярны в последние годы – об «агентах влияния», «пятой колонне» и т.п. Разумеется, в мире есть силы, которые желали бы ослабления России и в перспективе ее распада. На кого они, при случае, могут опереться внутри страны? Для теоретика модернизации ответ на такой вопрос не представляет особых сложностей: «В высокоразвитой политической системе политические организации обладают самостоятельностью, которой в менее развитых системах у них нет. В какой-то мере они изолируются от влияния неполитических групп и процедур. В менее развитых политических системах они в высокой степени уязвимы перед внешними влияниями... Политические организации и процедуры, которые уязвимы для идущих изнутри общества неполитических влияний, также обычно уязвимы и перед влияниями, идущими извне общества. В них легко просачиваются агенты, группы и идеи из других политических систем» [10, с. 160–161]. Нынешние квазиполитические акторы, привыкшие к командам сверху и разнообразным спонсорам, во многом автономным от населения, лишенного реальной возможности выбора, они – в силу своей природы просто неспособны в критической ситуации осознать, выразить и защитить общие интересы как общегосударственный, так и общенациональный. Наиболее вероятная линия поведения для них в сложной ситуации – это спастись самим и искать частную выгоду. Поэтому для нынешних региональных квазиэлит в случае ослабления собственного государства будут весьма привлекательными другие полюса притяжения: исламский, китайский, финно-угорский, натовский – какой угодно! Это уже имело место в ельцинский период, подспудно существует сейчас (особенно в мусульманских регионах) и вполне может повториться вновь с более разрушительными последствиями для государства Российского. Ведь осознание общего интереса не выстраивается само по себе, только как результат пропаганды и президентских указов. «Способность к сознанию политических институтов – это способность к созданию общественных интересов» [10, с. 172]. Столь же верно и обратное.

В описанной ситуации в периферийной северной республике, криминально-карикатурном «гайзергейте», как в капле воды, проявились те угрозы и опасности, которые нависли над нынешней Россией. Это не «отдельные громкие дела», а выражение природы нынешнего режима. Криминализация власти подрывает основы политического и социального порядка в стране, архаичный, уголовный неопатримониализм заглушает возможности модернизации и чреват в скором времени разрушительным кризисом и угрозой распада.

При этом без крупных потрясений «просто трансформироваться» и справиться со злоупотреблениями такой режим не может – политический механизм демократии для этого отключен и заблокирован. Социальная система оказывается в кризисном тупике, возможностей выйти из которого не наблюдается ни «сверху», ни «снизу». В этом плане скандальные события 2015 г. в РК интересны для рассмотрения не только в региональной, но и в общероссийской перспективе.

Литература

1. Губернаторский корпус в условиях трансформации политической системы Российской Федерации / Под общ. ред. Я.Г. Ашихминой, П.В. Панова, О.Б. Подвинцева. – Пермь, 2014. – 306 с.
2. Дойч К.В. Социальная мобилизация и политическое развитие // Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории 1950–1960 гг. – М.: ИНИОН РАН, 2012.
3. Ковалёв В.А. Межакторное политическое взаимодействие и политические противоречия административного режима в Республике Коми. – Политбук (Politbook). – Чебоксары, 2013. – № 1. – С. 90–106.
4. Ковалёв В.А. Политическая трансформация в регионе. Республика Коми в контексте российских преобразований. – Сыктывкар: Издательство Сыктывкарского госуниверситета, 2001. – 251 с.
5. Ковалёв В.А. Политика, власть и бизнес в Республике Коми: Современные проблемы. – Сыктывкар: Издательство Сыктывкарского госуниверситета, 2005. – 180 с.
6. Копаш Н. «Ухтинский “Пассаж”: Тайны следствия». 2012. – Режим доступа: <http://intell-analytics.ru/kniga-n-kopasha-uhinskiy-passazh-tainy-sledstviya/n-kopash-uhinskiy-passazh-taunyi-sledstviya-tom-1>
7. Новикова Т. Истина рождается в огне. – Ухта. ИД НЭП+С, 2006.
8. Панов П.В. Институты, идентичности, практики: Теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2010. – 230 с.
9. Сорокин С. «ЗАРУБИНКОРПОРЕЙТЕД»: 12 лет в Республике Коми. – <http://komikz.ru/news/just/?id=11818>
10. Хантингтон С.Ф. Политическое развитие и политический упадок // Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории 1950–1960 гг. – М.: ИНИОН РАН, 2012.
11. V.A. Kovalev. The abolition of direct governor election in the Russian Federation: Socio-economic relations and political consequences – Impact of Culture on Human Interaction: Clash or Challenge? Helfrich H., Dakhin A., Hölter E., Arzhenovskiy I. – Eds. Göttingen: Hogrefe & Huber, 2008. – P. 49–62.